

Сергей Александрович Шаргунов

Ура!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7708751
УРА! / Сергей Шаргунов: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-9614-2321-1

Аннотация

Начало нулевых. Кругом жестокость, грязь, насилие. Алкоголь и наркотики пожирают друзей. А так хочется быть хорошим. Героем. Рубаха белая, чистая. «Ура» – история молодого человека, который готов кричать, драться, страстно любить. Несмотря на. Вопреки. В мире, где всем всё равно. Отказываясь от дурных мыслей и вредных привычек, он хочет победить. Прежде всего себя.

Содержание

Коротко от автора	5
Крошка моя, я по тебе скучаю!	6
Происхождение крика	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Шаргунов

Ура!

Редактор *Е. Чудинова*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректор *М. Миловидова*

Верстальщик *М. Поташкин*

Дизайнер обложки *Ю. Буга*

© С. Шаргунов, 2012

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

Коротко от автора

Я написал «Ура!» в двадцать лет, в самом начале нулевых.

Скажу просто: захотел нарисовать героя, наблюдая мрачное, мутное и дурное вокруг.

Но какими красками рисовать? Герой не мог быть слащавым и плоским.

И я решил: пускай он коснется дна и, захлебываясь, всплывет... И, всплыв, заорет.

Герой – резок и диковат. Окруженный безумными и будничными трагедиями своей родины, отведав боль, он – наперекор всему – выбирает солнечный стиль атаки.

Повесть «Ура!», едва появившись в журнале «Новый Мир», возбудила многих. Кто-то возмутился, а кто-то восхитился.

Сегодня главные идеи и порывы этой книги, которые десять лет назад удивляли и отпугивали ни одного издателя, стали, простите, трендом. Только автору не легче. Ведь доблестные порывы и честные идеалы похищены и обесмыслены официозом.

«Ура!» – о ярости созидания.

«Ура!» – вой молодого волка, перерастающий в декламацию стихов.

«Ура!» – это букет пощечин.

...Но никто не очнулся...

Сергей Шаргунов

Крошка моя, я по тебе скучаю!

– Па-авел? – вкрадчиво звучит в телефоне. – Привет, это Алиса, – голый обиженный голос.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – отвечаю я и вешаю недавнюю любовь.

Тугое ее тело покачивается на виселице, взбалтывая мрачными грудями.

Зовут меня Уражцев Павел, мне двадцать, на дворе – двухтысячный год, и я ищу хорошей любви. И у меня, кажется, начинается такая любовь к одной крымской девочке. Я был там этим летом. Свел нас ее брат, который у меня прикурил на улице. Прикурил, а затем мы с ним разговорились.

Всего четырнадцать Лене. «Модельная внешность», как все говорят, чавкая этим определением. Точеная, с уже пружинистой грудью, с огромной усмешкой серых глаз, и тонкими скулами, и крупным ярким пузырем губ. Я бы сравнил ее красоту с уродством. Слишком красивая, почти уродец. Зверская красота. У нее и фамилия зверская и сочная – Мясникова.

Она живет с матерью и братом в хилой лачуге в деревне Ливадия. Прикинь, нет ни одной книги в доме, кроме засаленной брошюрки «Сад и огород»! По экрану старого телевизора – серая рябь... Зато у порога растет деревце алычи с желтыми ягодами и на зиму Мясниковы обставляют банками прозрачного компота. Отец, русский морской капитан, давным-давно скрылся. Мать – хохлушка Надя, уже с морщинами и дряблостью, раньше работала в Ялте официанткой, а теперь иногда выезжает в Одессу торговать тряпками. Брат Славик старше Лены на год и совсем неказистый.

Он еле кончил восемь классов, хотя хваткий малый, и тусуется на пятак в центре Ливадии с ровесниками. Пацаны тягуче сплевывают в горячую пыль (это стиль тут такой – плевать тягуче!) и ждут машин, какие бы помыть, к вечеру нажираются, укуриваются хэша, Славик приползает домой. Он деградирует день за днем, и речь его в подражание корешам бредово-блатная. Славик чрезвычайно горд сестрой.

– Блин, – говорит, и в улыбке обломок зуба. – Я иду по местности и горжусь, Паш, потому что я знаю, КАКАЯ у меня сестра. Если б я ей не был братом, я бы ее... Я бы ее, Паш, имел – и плакал, имел – и плакал... – гордость распирает его, и он выпячивает впалую грудь.

Славик так КРИЧИТ. Кричать – значит заявлять, рассказывать о чем-то. И у меня в душе все кричит. И я тебе, читатель, подробнее прокричу про Лену Мясникову!

Целый день работает Лена. Ее наняли за бесценок в подвал, час за часом она обтягивает скользкие бутылки бумажными наклейками, бутылки поддельного вина. Работает на криминал девочка. Я однажды зашел в этот подвал на уровне фундамента старинного здания, некогда царской конюшни. Кто-то грубо бранился, а в ответ – шуршащие покорные звуки труда. Дверь в комнату труда была приоткрыта, резкий уксусный воздух.

– Че тебе? – дернулся ко мне горькоротый, с раздутой щекой мужик.

Тут Лена меня заметила, она подбежала, отделившись от молодых и немолодых теней. Ноздри ее тонко дрожали гневом:

– Мне выговор будет. Мне нельзя отлучаться. И сюда не ходи. Все!

Я поднимался по лестнице на солнечный воздух, а за спиной звучал мужицкий голос, вымазанный в грязи:

– Иди, иди, топай!

Я топал. На улице праздной ногой поскользнулся на ягодке алычи. Удержал равновесие, солнце скакнуло в глазах. Ах, как сладко и легко на поверхности!

Вечером Лена, осунувшаяся, выбирается из подвала, за ней цепляется некто Юля. Тоже работница с бутылками, мелкая дурнуха, помидор рожицы под копной черных волос. Девочки освободились и, нарядившись, отправляются в Ялту. Оторваться, оттянуться! Надо

ловить момент, пока Ялта грохочет увеселениями. Лена знает свою красоту, боится пропасть и подружку тянет за собой.

– Мне Мисс красоты дали, – хвастает Лена, широко, акульки улыбаясь. – Все мне хлопали, цветы подарили, у нас потом долго стояли... Оранжевые.

– А где все происходило?

– Да там... – она уже недовольна, – в клубе одном... «Кактус» называется.

Она ослепительно скрытна, ее простодушная семья ничего не знает о делах красоты, а мелкая Юля – молчунья-сообщница.

– Мы сегодня в «Кактус» собираемся, – и Лена дергает плечиком: – Не хочешь с нами? Конечно, хочу.

И сейчас я прокричу вам, как она, Лена, проводит время. Под гром хлопущек и гомон гуляющих, у зеленой вывески «КАКТУС» я стоял и ждал. Мощный фаллообразный рисунок, неоновый свет, я был заляпан кактусовым соком... Ждал полчаса.

– Привет, извини, – моргнула красотка, вся в серебристом и обтягивающем, ее единственный наряд, платье-чешуя.

Парубок-охранник прогудел:

– В шортах не можно, и в босоножках геть отсель!

Я выскочил, разъяренный. Поймал такси, умчал к себе на гору и там, наспех натянув цивильное, прыгнул в машину, и вот уже меня выпустили.

Я ориентировался просто, закаленный московскими клубами. Прошел сквозь голубеющий чад, смуглый, бритоголовый, скуластый, и сразу заметил девочек. Они невинно ворковали за столиком у старика. Старик слащаво шурился на Леночку.

Старик состоял из кулей дерьма, весь расплываясь. Лена вскинула бесконечные глаза и зашипела.

– Добрый вечер, – мои глаза его расстреляли. Он это понял и в отместку погладил Лене колено.

«Дура, с кем она путается!» – я сел неподалеку и, что поделать, то и дело оборачивался на них.

Сидел я у стеклянной стены, за которой мрачно пенилось море и кроваво мигал маяк. А здесь все рыдало весельем. За одним столом братва, крепыши, затянули сбивчивую песню. За другим – суетливо рылись в еде иностранцы, их-то допустили в шортах и даже в панاماх. Только море было со мной заодно, и маяк мне заговорщицки подмигивал: «Отомсти! Отмсти!» Сжатые кулаки улеглись рядом с хрупким бокалом. Я сжимал кулаки и разжимал.

– Кулак? – спросила, проходя, баба с вывороченными губами. – Это что значит?

– Наверно, знак мужества... – подтявкнул ее спутник-карлик.

Потом все же подсели ко мне девочки, мы пили всякие мартини. Лена вертелась.

– Это очень важный человек! – сказала она про дерьмового старика.

Я хотел раздражить Лену, золотоволосую, и стал заигрывать с ее подружкой. Но Юля тупо и темно была безответна, а Лена все дергала золотой головой, нетерпеливо кого-то высматривая. Вскоре она вспорхнула, и неуклюжая Юля – за ней.

И тут началось самое дикое. Девочки пошли от столика к столику! Я оторопел. Их знали! Какие-то уголовники-богачи... Девочки присаживались. К ним наклонялись жующие морды, им заказывали сласти. Они кормились у столиков! Дура, дура, неужели ты думаешь, что это твой парад красоты?

Дело в том, что она еще девственница. Это она дает понять, и брат с матерью это знают. У нее еще никого не было. Чего она добивается, разгуливая по такому заведению? Изнасилюют и бросят в вонючий кювет, и будет лежать полуживая и стонать в звездной ночи.

Они грызли чипсы и орешки детскими зубками, обходя столики. Но я не знал, что делать, и ничего не делал, и маяк за моей спиной многоопытно подмигивал, а море иронично

шумело. Потом девочки исчезли. Я пошел их искать вглубь клуба. Лена, она же ничего не сообщает...

Толпа увивалась вокруг своей мелодии, все тонуло в вонючем дыму. А над головами утопающих навис балкончик, и сквозь дым я заметил ВРАГОВ. Это были тертые московские диджеи. Пронаркоманенные насквозь, они совещались, я различил сизые рты. Слиплись на балконе... Я быстрым взглядом раздавил и размазал их по потолку. Девочек обнаружил уже на улице.

– Вы не могли бы нам помочь? – кокетливо-заинтересованно бросилась Лена, страшное равнодушие сквозило.

Оказывается, вырвались из какой-то мутной ситуации и теперь не было денег, чтобы вернуться домой.

– Поедьте вместе, – сказала Лена звонко. – Погуляем там у нас, а?

Да, и мы помчали по вихлястой дороге, кустарники царапали стекла. На заднем сиденье был я с Леной, она то отодвинется, то прихлынет. Мы подскочили на повороте к их Ливадии, и тут Лена, прихлынув, мокро заговорила мне на ухо:

– Извините, мы ужасно хотим спать. Спасибо, что вы... вы нас довезли...

Зови меня на «ты», Мясникова!

Подруги выкатились из машины и убежали, а я сел на ливадийском пяточке и начал пить. Покупал в палатке пиво, бутылка за бутылкой. Напевал себе какие-то красногвардейские и белогвардейские гимны. Светало, и нарастало тепло. Тусклый сон досыпали домики, невесомо бурлило море. Закричали петухи. Одно кукареку растянулось так хрипленько, так искренне. Грубые краски у морской зари: тля-ляп, оранжевая, фиолетовая. Солнце сально взбухло. Это все вышло неинтересно и постыло. Только петушиные вопли меня и позабавили.

А через час я встретил Славику. «Здоров!» – мы поприветствовались с пацанами, и я отвел его в сторону.

– Послушай, – говорил я. – Она ходила от столика к столику... Почему? Она еще целка, а уже блядь! Почему?

То есть я стучал на его сестренку. Он хмуро кивал. Он мне принялся рассказывать про ее похождения:

– Знаешь, Паш, весной такой кипеш поднялся. Ленка с Юлькой заскакивают в дом: «Быстро шторы напяливай», типа, их бандюки довезли из клуба, а наши девки из тачки сбежали. Эти бандюки всю ночь по деревне гоняли, фарами светили по окнам...

Я подумал: ого! По лезвию ты порхаешь, Лена. А он смачно «кричал»:

– К ней ездил мужик из Донецка, мне бабла сунул. Башка у него желтая и голая. Башка, как ягодка алычи. Мужик-то ей подарки делал. Он ее на тачке катал. Черный джип у него!

– Смотри, – сказал я, – Славик. Выкинут ее на обочину из черного джипа...

Я редко стал заезжать к Мясниковым. Я весь отдался разгулам, и каждую ночь – очередное нелюбимое тело. Лишь утром оставшись один, засыпал под славные перезвоны церкви и ревнивые трели птишек. Недолго спал в солнечных бликах. Вставал, маршево брел из комнаты вниз с горы, солнце прожигало темя. Купался, делал сильные заплывы. Наконец меня оглушил солнечный удар.

Каждый шаг отзывается в виске, и стальная стая иголок скачет с зябким перезвоном и рушится о каменное дно. Жаровня внутри, где-то под сердцем, и сердце прерывисто выстукивает. Полуживой, я выбрался вечером на набережную. Атракционы, клоуны, небо качается в авоське прожекторов... А зимой все опустеет, и Леночка будет сидеть в своей пальмовой деревне за несколько километров отсюда, где если прошел незнакомый человек – уже событие.

С этой мыслью я наткнулся на нее.

– Ты все рассказал Славе! – протараторила она слезливо. – Предатель! – отвернулась, пропала.

Мелькнула, как знамя. Такая красивая.

Спустился в открытое кафе. Над баром черное нутро динамика ритмично сотрясалось. «Как у негритянки», – представил я. Маяк подмигивал моему сердцу, какой-то намек на влюбленность. Лена, она такая женственная, наверно женственная неисправимо. По всему побережью на мелкой гальке сидели серые люди. И сумрак скрадывал их движения.

Назавтра я приехал в Ливадию. Зашел к бедным Мясниковым, гостинцы принес, девочки не было. И я уже пошел к остановке, сест в маршрутку и убраться восвояси, как она окликнула:

– Паша!

Они с Юлей стояли у витрины магазинчика.

– Уезжаете?

– Завтра, Лена, уезжаю в Москву.

Приблизилась:

– Приезжай, – и поцеловала меня длинно у этой блеклой витрины.

Может, я описываю расплывчато. Например, я о ее мамаше почти ничего не пишу. Ну про мать ее знаю, что Надежда Ковальчук приехала в Киев поступать в институт. Не поступила, долго жила в общежитии, где пристрастили к алкоголю. И вся жизнь у Нади так пошла, парз раз за год запивает.

А что в наше время может ждать ее тоненькую дочку? Кто? Но Лена кокетничает со всеми без разбора, с пожирающей жизнью. Ей бы простого парня, не красавчика, а обычного, который был бы от нее без ума и крепко держал семью. Однако она уже учуяла себе цену и рвется вперед, в бары, к прищурам богатых людей...

Эй! У меня планы серьезные. Я хочу защитить чувства от шин черных джипов. Не хочу отдавать вам девочку, рыхлые вы скоты с холодными членами. Хочу, чтобы Лена в меня влюбилась. Раньше у меня была мучительная любовь к задастой Алисе. Потом я надолго разуверился во всем и теперь жду реабилитации чувств. Любовь надо мной надругалась, а нужны мне были чувства сильные. Я был кинут в грязь лицом и долго, где-то года два, не мог оправиться, уползал по грязи. Клонился к луже и узнавал свой набрякший лик. Помню, в апрельский денек шаркаю по Манежу, правую руку придерживая левой. Левая парализована, чугунная, после неудачной вчерашней колки. Если засучить рукав, под курткой и под свитером – на вене лилово-желтый огромный синяк.

После всех надругательств жизни я хочу заорать: дайте мне любовь! И, оказавшись в Крыму, я волочился за ускользающей Леночкой, заставлял себя ее преследовать... Я алчный, очень алчный, жажду любви. И вопль мой – о любви.

У нас будут красивые дети. Образцовая семья. Распад остановится. Я ведь наступательная железная личность, буду качать мышцы. Курить уже бросил. Так и вижу нас: Уражцев, Мясникова – в Москве.

Улыбчивые, мы с ней глубокой ночью пройдем по ветреной и сиротливой Красной площади. Продолжим наш длинный поцелуй на серой площади, когда нет там никаких людей и бегают собачьи стаи...

Происхождение крика

Происхождение «ура!» – тюркское. Переводится: «бей!» Это «ура!» меня с детства занимало. Яростное, как фонтан крови. В этом слове – внезапность. Короткое, трехбуквенное. Все же захватчики принесли простор и поэзию. Заряд энергии. Есть слова, которые выплескиваются за свои пределы.

Трехбуквенное ругательство, вязко шевелящееся, заставляет себя писать на стене. Не вымарать и «ура!» Звуки-инстинкты. В них магия жизни.

Ругательство – розовато-сизое, хрипловатое. А «ура!» – атакующе-алое. «Ура-а-а!» – и в ушах сразу гложет, хохочут кровавые шарики, сердца – скачок! «Ура!» не стормозит, оно бьет на лету! Хрустящая сердцевина арбуза, блик солнца на водной ряби, и удар в мясо, в кости, отрывание жизни!

Страшно, когда на тебя орут: «Ура!», темнеет в глазах, и улепетываешь, лишь бы не навалились темной массой, не придушили.

Преподавательница музыки Валя, всю жизнь переживающая краткий роман с Бродским, утонченное нервное создание. На нее в подъезде набросился насильник, придавил к стене, расстегивая ширинку. Потрясенная, она вдруг выкрикнула: «Ура-а-а!» И... самца как ветром сдуло, только дверь подъезда хлопнула.

Салюты омывают небо, и рвется вопль. Однажды под гром праздника юная компания окружила мелкого японца.

– Не, а какие твои пацанские понятия? – настаивали они.

Подростки были возбуждены, то и дело они отвлекались от японца, чтобы вбросить в воздух очередную дозу: «Ура!» Японец обморочно улыбался, по лицу его скользили разноцветные отблески. К концу салюта он потерял сознание.

Для скольких этот звук был последним в жизни, сколько душ впитал в себя. Бежали слепо, цепляясь за свой же крик, и получали пулю, кроваво давясь криком. На войне все кричат: «Ура!» Из отчаянного командирского зова вырастает общий хор, ветвистое могучее дерево. Я предлагаю вам новый Миф о Древе Ура. Золотистая крона гудит и шепчется над полями войн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.